

С тех пор как Лин Янь вернулся с выставки, картина Неизвестная девушка и само имя Линь Вань, словно камни, брошенные в гладь застывшего озера, продолжали расходиться в глубине его души бесконечными, не утихающими кругами. Он стал молчалив, подолгу замирал перед холстом, а краски на палитре подернулись серой, унылой дымкой.

Се Юньшэнь видел все изменения, но не спешил их обсуждать. Он стал еще нежнее и внимательнее, чем прежде: лично следил за его питанием и бытом, а когда видел, что Лин Янь хмурится перед холстом, вовремя подавал чашку идеально заваренного цветочного чая или легким тоном рассказывал забавные истории из мира искусства, пытаясь рассеять этот незримый мрак.

Однако в глубине его глаз, которые, казалось, всегда улыбались, день ото дня крепили холод и расчет. Его маленький волчонок позволил посеять в своем сердце семя под названием прошлое, и это вызывало у Се Юньшэня неприятное чувство, будто кто-то посягает на его территорию.

Несколько дней спустя, ближе к вечеру, когда дядя Чжоу расставлял ужин, он, словно невзначай, невозмутимым тоном доложил:

— Господин, сегодня пришло известие: в той частной галерее на западе города, которую мы время от времени спонсируем, изменились планы на следующий сезон.

Се Юньшэнь неспешно раскладывал еду для Лин Яня. Услышав это, он не прервал своих движений, лишь тихо произнес: — О? — его голос чуть приподнялся в конце, выражая любопытство.

Рука Лин Яня, сжимавшая палочки, едва заметно дрогнула. Он опустил голову, делая вид, что ест, но уши его невольно наострились.

Дядя Чжоу продолжил:

— Запланированную тематическую выставку современной портретной живописи пришлось отменить из-за того, что у основного арендодателя возникли непредвиденные обстоятельства. Экспонаты требуют повторной экспертизы и реставрации, — он помедлил и добавил: — Это была та самая выставка, где должны были выставить несколько работ госпожи Линь Вань.

Дзынь.

Серебряные палочки выпали из рук Лин Яня и с резким звоном ударились о костяной фарфор. Он резко поднял голову, побледнев, посмотрел на дядю Чжоу, а затем быстро перевел взгляд на Се Юньшэня.

Се Юньшэнь, казалось, только сейчас заметил неладное. Он поднял глаза, в которых читались умеренная тревога и участие:

— Что случилось? Рука соскользнула? — его голос звучал мягко, он протянул руку и слегка погладил Лин Яня по тыльной стороне ладони. — Ничего страшного, попроси дядю Чжоу принести другие.

Его реакция была слишком естественной и спокойной, словно дядя Чжоу сообщил лишь о какой-то пустяковой бытовой мелочи.

Сердце Лин Яня сжалось, словно невидимая рука стиснула его в тиски. Непредвиденные обстоятельства? Экспертиза? Реставрация? Как это может быть таким совпадением? Стоило ему проявить интерес к этому имени, как все каналы, через которые можно было получить хоть какую-то информацию, оказались так легко и небрежно перерезаны?

Он открыл рот, желая спросить, что именно произошло и состоится ли выставка, но, встретившись взглядом с чистыми глазами Се Юньшэня, в которых отражалась лишь забота о нем, все слова застряли в горле, превратившись в беззвучное удушье.

Дядя Чжоу уже ловко заменил приборы, словно этого разговора никогда и не было.

Ужин продолжался в атмосфере, которая казалась гармоничной, но была пронизана скрытым напряжением. Се Юньшэнь по-прежнему мягко беседовал с ним, рассказывая о пустяковых делах в компании или о концерте, на который собирался пригласить его в ближайшее время. Лин Янь механически кивал, не чувствуя вкуса еды.

Он больше не пытался расспрашивать. Холодная интуиция подсказывала: вопросов не нужно, правды он все равно не узнает, а лишь заставит те глаза, что так нежно смотрят на него, подернуться тенью, которую ему не разгадать.

Он смутно чувствовал, что невидимая сеть не только окутывает его настоящее, но и бесшумно накрывает прошлое. Любой росток любопытства будет точно и быстро срезан.

Это осознание вызывало страх, но еще больше — глубокое чувство бессилия. Все, от чего он зависел, каждый вдох, земля под ногами — все это было даровано ему Се Юньшэнем. И если дарующий решал что-то забрать или скрыть какую-то правду, у него не было даже права на вопрос.

В ту ночь Лин Яню снились кошмары. В его сне возникал портрет Неизвестной девушки, черты лица женщины были то четкими, то размытыми. Она протягивала к нему руки, губы ее шевелились, словно она хотела что-то сказать, но все тонуло в густом тумане. Он отчаянно пытался приблизиться, пытался расслышать, но ноги вязли, как в трясине. Оглянувшись, он видел Се Юньшэня, стоящего неподалеку в том же светло-сером плаще; с мягким лицом и улыбкой на губах он безмолвно наблюдал за его борьбой, а в его взгляде читались жалость и холод.

Лин Янь проснулся в холодном поту.

За окном серебрилась холодная луна, свет которой просачивался сквозь занавески. Место рядом было пустым — Се Юньшэнь все еще был в кабинете.

Лин Янь сжался в комок, обхватив колени руками и спрятав в них лицо.

Впервые он так отчетливо осознал, насколько прочной и страшной клеткой была нежность Се Юньшэня. Она не запрещала думать, но ограничивала направление поиска; она не отнимала чувств, но фильтровала информацию, которую он получал.

Он был словно бабочка, бережно выращенная в стеклянном колпаке: видел мир снаружи, но всегда оставался отделен непреодолимой преградой. А рука, державшая этот колпак, была нежной и не знала возражений.

На следующий день Лин Янь стал еще тише. Он больше не замирал перед холстом, а взял альбом для эскизов и начал раз за разом рисовать профиль Се Юньшэня, изгиб его улыбки, опущенные ресницы. Казалось, только запечатлев на бумаге эту нежность, которая управляла всей его жизнью, он мог обрести призрачное чувство безопасности.

Се Юньшэнь наблюдал за тем, как на бумаге оживает его собственный портрет, и в глубине его глаз наконец промелькнула подлинная, удовлетворенная улыбка.

Он подошел к Лин Яню со спины, наклонился и, слегка коснувшись подбородком макушки юноши, посмотрел на свое изображение. Его голос прозвучал низко и ласково:

— Как хорошо нарисовано. В глазах нашего Янь-Яня наконец-то только я.

Пальцы Лин Яня, сжимавшие угольный карандаш, слегка дрогнули, но в конце концов он расслабился и откинулся назад, в эти теплые, но пугающие объятия.

— Да, — прошептал он, закрыв глаза, и этот звук был тише вздоха.

Он отказался от попыток исследовать мир за пределами рамы.

А Се Юньшэнь с помощью беззвучного несчастного случая завершил точное предупреждение и успешно запер свое сокровище еще крепче в мире, который принадлежал только ему.

<http://bllate.org/book/18641/1795292>